

ΓΑΒΡΟΠΙ

Пролог

Закашлявшись, я содрогнулся всем телом. Дернув рукой, стянул с себя какую-то хламиду вроде одеяла. Тело было липким от пота, мокрым, и от него явно отдавало жаром. Я не мог ошибиться, ведь это теперь было мое тело, вся чувствительность мне была доступна.

В кого я попал, осознал сразу. Не в том смысле, где и куда, а именно в кого. Без шуток. Выжить, когда на тебя рухнула старая бетонная плита в немецком бункере, было нереально, а выбраться я не смог. Даже успел почувствовать легкую боль при соприкосновении с плитой, пока меня не размазало. Говорят, потом бывает туннель яркий да в небеса поднимает. Ничего подобного со мной не было. Помню, что я завис в темноте, недолго, даже не успел нормально выматериться, отметил, что эха не было, как почти сразу меня куда-то быстро понесло, и осознал себя в этом теле, и мои легкие раздирал этот сухой кашель. Разница между телами была существенной, не ошибешься. Я получил новое тело. Я сразу это проверил, вытянув руку из-под грязного и рваного одеяла. Тело не мое. Маленькая грязная и исцарапанная в разных неожиданных местах детская ладошка. Тело мальчишки. Маленький совсем. Думаю, и пяти лет нет. Это радует, лет тридцать с плеч сбросил по примерным прикидкам. Личность у меня сформировавшаяся, постараюсь глупости не делать. Второй шанс дали, чем заслужил? А вот то, что меня сунули в большое тело, уже не радует.

Тыльной стороной ладони протер глаза — смотреть мешали слезы и какая-то клеящаяся грязь, которая не давала моргать, веки слипались. Я осмотрелся, чтобы определиться, где нахожусь. При этом отстраненно отметил, что частокол зубов во рту непривычен мне, а судя по щербинкам, у меня еще был их недостаток. Правда, судя по припухлостям в дес-

нах, скоро вырастут новые, один уже проклюнулся. Осмотр дал мне примерно определить, где я нахожусь. Через пролом в потолке виднелся дневной свет, но солнечные лучи до него снаружи не доставали, главное, понятно, что день. Подвал какого-то полуразрушенного здания, всюду обломки. Вроде бетонные, а вроде и нет, нечто схожее. Все как-то привычно, из каземата бункера снова в бетонном подвале. В углу стоял массивный истукан с несколькими манипуляторами по бокам и на гусеничной платформе. Только посмотрев на этого уродца, хотя вид его мне, наоборот, понравился, было в нем что-то такое красивое и завораживающее, я понял: где угодно, но я не на Земле. У нас такой техники не было, а это явно не ручная сборка, а конвейер. Было такое осознание при первом же брошенном взгляде.

В это время послышался шум снаружи — скрип обломков под чьими-то подошвами и голоса. Первым в пролом спрыгнул невысокий смуглый чернявый мальчишка лет двенадцати. Он сразу же бросился ко мне и что-то успокаивающе заговорил — этого языка я не знал, — после чего прижал к шее небольшую черную коробочку, и та застрекотала, а мою шею пронзила легкой болью серия уколов. Чувствуя, что жар начал спадать да и состояние быстро нормализуется, я всмотрелся в лицо парнишки, стараясь запомнить его, когда меня вдруг вырубил. При этом прежде чем потерять сознание, краем отметил, что в подвал спрыгнуло еще шестеро, эти уже взрослые были — пара парней лет двадцати, остальные старше. Что-то в них было не так, а что, я не понял, раньше сознание потерял.

Около четырех лет спустя. Та же планета

Присев на крупный обломок пенобетона, я вытянул гудящие от усталости ноги и слегка поработал плечами, разгоняя кровь. Да уж, пришлось сегодня поработать, однако и выхлоп был очень интересный. Более того, я понял, что вытянул сегодня золотой билет, то, что позволит вырваться из грязи в князи, как говорят на нашей далекой Земле. Да, даже странно осознавать, что я в Содружестве, на планете одного из государств. Книжки на Земле читал, тему знаю. Любителем был этого жанра. Сейчас я уже твердо осознаю, что моя душа переместилась, а в первое время реально думал, что все вокруг — это плод моего воображения по теме любимого жанра в лите-

ратуре. Содружество, нейросети, базы знаний и космические корабли — все это было, но есть и отличия. Их хватало. А так забавно, в прошлой жизни я был копателем, нас еще черными археологами называют, ну и тут пошел по той же стезе. Да и выхода другого не было, все тут этим занимаются, все, кто выжил после вируса, выпущенного в атмосферу этой планеты одним безумным ученым, и вот уже двести лет планета напрочь закрыта для посещения. Этому способствуют восемнадцать орбитальных оборонительных крепостей в системе, ну и флот государства, что контролировал систему на границах. Слишком страшная штука тот вирус, вот и приняли такие меры, чтобы не распространился по другим планетам королевства. Успели отреагировать и закрыть систему. Крепости уже потом притащили частично буксирами, частично те сами вышли из гипера. Некоторые самоходными были. А до этого операторы артиллерийских систем боевых и патрульных кораблей сходили с ума, сбивая тысячи забитых людьми судов, пытавшихся взлететь с планеты. Набитых гражданскими, женщинами и детьми. На планете было восемьсот миллионов человек. На данный момент никто не скажет, сколько осталось. Не думаю, что больше пары-тройки миллионов. Везде, куда я бы ни забирался, видел одно: кости, кости и кости, сбежавших от него не было. Вирус убивал всех, да не совсем. Примерно у пяти процентов жителей, запертых на планете, оказался к нему иммунитет. Они выжили как могли. Почти сразу началась анархия, каждый сам за себя, и никакого порядка. За двести лет закрытия системы уже сложились свои уклады и порядки. Мне не сложно рассказать. Все очень просто. Есть жестянщики — это жители бывших мегаполисов, что жили за счет того, что откапывали в подвалах, а также сельчане. Эти отвергли все, что было в прошлом. Жили своим хозяйством, шили и ткали себе одежду, и всех, кто соприкасался с механизмами прошлого, называли нечестивцами. Думаю, понятно, что между этими двумя слоями общества была до недавних пор непрерывная вражда, которая длилась уже несколько десятилетий. Жестянщикам же есть хотелось, баб, вот и совершали налеты на поселения крестьян. Те, конечно, укреплены были, но бывало, и не сдерживали супостата. Не так давно было заключено перемирие, и баталии начал стихать, но отморозки встречались как с той, так и с другой стороны.

Естественно, я принадлежал к жестянщикам, любой мог бы догадаться об этом. Очнулся бы в теле ребенка какого-нибудь крестьянина, жил бы там, но я был из сквады мелкой банды жестянщиков. Правда, на момент моего перемещения от банды осталось двое — это я, а вернее четырехлетний малыш Зак Он, и помощник главаря банды, а также родной брат Зака, Шон Он. Вырезали малолеток, только Шон с братом и спаслись, отсиживались на нижних этажах уже вычищенного бункера. Холодно там было, вот Зак и заболел. Пришлось Шону за полцены продавать случайно найденный им в закрытом помещении на верхних уровнях средний погрузчик одной из старших банд. Таким способом и выкупил аптечку, именно ее и прижимал тогда к моей шее. Вытянул, одним словом. Спас, и я не мог этого не понимать, так что дальше старался во всем помогать Шону, в этом мире он был для меня самым близким человеком.

— Эх, Шон, — вздохнул я, осматриваясь. — Жаль, что ты не дожид до этого момента.

Убили Шона полгода назад, во время очередного налета на одно из небольших поселений крестьян. Как я его отговаривал, не передать, но он поступил по-своему. Там была засада, никто не вернулся. Крестьяне отмороженных жестянщиков в плен не брали, добивали всегда, такие у них были законы, однако злости и ненависти к ним я не испытывал, понимал их чувства. Даже когда рассмотрел голову Шона, насаженную на пику. Крестьяне их всегда срубали и насаживали, с давних времен повелось. Так что, вздохнув, развернулся и направился обратно в мегаполис. При нападении выжило едва треть жестянщиков, что успели отступить, унося раненых, но к ним я не присоединился, свалил незаметно.

Думаю, пока отдыхаю, стоит кратко, но более полно рассказать, как я жил до перемещения, потому как занял это тело и выживал. По-другому и не скажешь, мне кажется, жестянщики все выживают, это самая суть их жизни. Выживание. Даже выглядят подобающе. Если смогут найти, комбезы, крепкая и надежная одежда, а в основном рванина, но главное, среди фанатиков просто маниакальная страсть к артефактам, особенно работающим, они им чуть ли не молятся. Сам видел у некоторых алтари. Не совсем понимаю, как можно за двести лет блокады так деградировать. Они даже часть железок и схем в тело вживляют.

Не всегда удачно, заражение и смерть — частое явление в этих случаях. Именно такую шестерку я и видел, когда Шон продал погрузчик и привел их к нам, он тогда купленной аптечкой спас меня. Я всегда это буду помнить. Сам я старался выглядеть нормально: обычная одежда, выменянная у сельчан — несмотря на вражду, торговля имеет место быть, магазины и бары на территории мегаполиса пополняются за счет них. Это только дикие жестянщики, или беспредельщики, как их еще называют, нападают на селения. Их отстреливают, причем всегда. Жаль, что Шон связался с Римусом и тот подбил его на это дело, я как мог удерживал, да не получилось. Шону шестнадцать было, жениться надумал, грязнули из жестянщиц ему были не нужны. Решил добыть себе чистенькую крестьянку. Помню, как рассматривал со стороны его голову на тыне деревни. Доженыхался.

Так вот, вернемся немного назад. Мне было тридцать три года, возраст Христа, как говорят, когда начались волнения на Украине. Муть с телевизора я не слушал, да и не было у меня его, постоянно в разъездах, уже понял, что власть взяли националисты и бандеровцы. Она и до этого была у них, за время оранжевой революции потихоньку продвигали на важные посты своих людей, а тут вышли из тени. Жил я в Киеве и, сообразив, что скоро произойдет, решил свалить из страны. Немного не успел, хотя в боине против «Беркута» поучаствовал. Вернее, я как раз был за ребят. Я же копчик, у меня в гараже кроме старенькой, оставшейся от отца «Нивы», был небольшой склад восстановленного вооружения. Пострелял я из МГ от души, расстрелял машину с бандеровцами, причем натуральными, долго выслеживать пришлось. Успел обшмонать ее и свалить, до того как парни из «Беркута» появились. В машине снайперы оказались. Не ввали разные источники, вот кто парней отстреливал. Шестеро их в микроавтобусе с затемненными стеклами было, без документов все. Всех и положил. Собрал трофеи и свалил на угнанной машине. Еле ушел. В принципе это была моя единственная акция. Пару раз титановой раскладной дубинкой расколол черепки самых ярких активистов из блакитных, но это так, больше душу отводил. Так что тут не о чем рассказывать.

Квартиру, доставшуюся от родителей, я к тому времени уже продал, задержался из-за того, что гараж и машину продавал. А тут, постреляв, решил затаиться. Когда волнения к концу на-

чали подходить, а на Донбассе уже вовсю шла война, продал все, оружие хорошо шло, но не так дорого, как хотелось, его теперь много по стране ходило. Вот винтовки снайперов ушли быстро и за хорошую цену. Так что, забрав все памятные вещи, я двинул в Россию. Родственников у меня не осталось – так, пара дальних теток, о которых я давно уже ничего не слышал, жил своим умом. У меня было порядка двадцати долларов личных накоплений, ну и все, что продал, дало солидную сумму в сто пятьдесят тысяч. Трешка у нас в центре была, дорогой район. Тем более продал квартиру до скачка цен.

Границу пересек спокойно, деньги задекларировал, так что сразу отправился в соответствующее министерство и подал заявку на смену гражданства. Я русский, ни разу не украинец, нормально. Дело медленно двигалось, сам я в пригороде Москвы жил, так дешевле. Пришлось подмазать одного чиновника, тогда все и закрутилось. Наконец я сдал паспорт с этим чертовым трезубцем, который реально недолюбливал, и получил российский паспорт. У меня была возможность устроиться в Москве, но я не стал этого делать и двинул к Черному морю. Не к Крыму, который собирался присоединиться к нам, я уже считал себя россиянином. Проехался по курортным городкам и остановился на Геленджике. Купил неплохую трешку в пяти минутах от моря, гараж приобрел и машину. Взял «УАЗ-Патриот», причем в редкой версии пикапа. Ну, и хороший такой прицеп на две тонны. Не пожалел, машине год, но за три следующих года она ни разу меня не подвела. То, что осталось, я положил на счет на проценты, купил металлоискатель, все, что пригодится для раскопок, а это дело я бросать не хотел, и двинул в сторону мест боев, стараясь забраться в самые дальние уголки, где давно не ступала нога человека.

Так вот и жил, тем и питался. Все лето на раскопках, сдавал квартиру, а зимой в тихом городке у моря отдыхал, мне нравилось. Где я только ни бывал, где ступать ни приходилось, даже работал в море. Правда, тогда пришлось набрать команду, судно арендовать с подъемником. Но не зря, недалеко от берега нашли баржу с тремя танками. Удалось поднять их и так, в ракушках, продать. На этом клиент, что все три ленд-лизские машины забирал, настаивал, мол, сам восстанавливать будет. Мы тогда столько подняли, что я мог всю жизнь не работать, доля моя

была половиной из общей суммы — моя находка, да и руководил я, но душа требовала, так что снова поиск. Если находил своих, старался передавать смертные медальоны и награды с отметками, где нашел, а вот награды немцев и все, что находил с них, шло на продажу. На Украине был магазинчик, я там все сбывал, барыга мой вполне надежный. А тут я все продавал сам. Интернет наше все. Даже немного немецкий подучил. Основные покупатели оттуда были.

Этот бункер не я нашел, о нем знали окрестные жители, мол, штабной бункер, но затопленный еще со времен войны. Наши вроде спускались на нижние этажи в аквалангах, еще при Союзе, а так больше там никого и не было. Однако когда я исследовал его, обнаружил, что уровень воды заметно снизился. Вот я и решил осмотреть те два этажа, которые появились из-под воды. Объяснять, как так получилось с разрушением, не буду. Столько лет прошло, влага сделала свое дело. Сперва лестница начала рушиться, а потом и до потолка дошло, но выбраться мне не удалось. Рывок к выходу не получился, на меня рухнуло несколько тонн старого бетона. Вот так я и оказался в теле Зака Она.

Теперь по второй моей жизни, надо сказать, не менее интересной и бурной. Очнулся практически здоровым, не знаю, где банда атамана Техно взяла патроны для аптечек, а стоили они запредельно, но все же выдали Шону. Вытащил тот меня из-за кромки. Так вот, очнувшись уже практически здоровым, я решил вживаться в местную реальность. Шон, конечно, удивился, что я перестал его понимать и разговариваю на непонятном языке, но все же смог найти выход. Не все на планете впали в дикость, были и спецы. Например, старик Уд. Он застал тот момент, когда вирус начал действовать, молодым пареньком, курсантом одной из звездных академий на планете. В общем, прожил эти двести лет, и я его видел своими глазами. Вы не ослышались, он прожил именно столько, местные оказались долгожителями, средний возраст как раз эти самые двести лет, некоторые доживают и до двухсот пятидесяти, но это совсем редкость. Хотя омоложение бывает, мне об этом рассказывали, но там процедура омоложения запредельная по цене. Чуть ли не сто миллионов, но зато можно прожить еще двести лет.

Шон недели две пытался со мной общаться, но даже жестами сложно это было. Вот он и отвел меня к старику Уду. Нас

встретил древний старикан с длинной седой бородой и плеши-
вой головой. Посадил меня в кресло и надел на голову какой-
то горшок, опутанный проводами. Потом как будто бомбочка
взорвалась в голове, и я потерял сознание. Ненадолго, минут на
двадцать, но когда очнулся, к своему удивлению стал понимать,
что говорят окружающие. Жаль и старика. Он прожил два года
после той нашей встречи. Не убили, его охраняли и берегли, сам
умер, старый уже был. Мы с ним тесно общались эти два года,
так что я реально грустил о нем. Хороший старикан, редкость
среди жестянщиков найти хороших людей, там идут по трупам
к свету, но мне повезло дважды встретить таких — Шона и Уда.

Я не стал скрывать, и Шон сразу узнал, кто я и откуда. Он
недолго думал, повздыхал и хлопнул меня по плечу:

— Ты все равно мой брат, самый близкий мне человек, Гав-
рош.

Гаврош — это моя кличка. По фамилии. Я Гаврошев Эдуард
Владимирович. Описал, кто это и почему меня так прозвали,
так что брат стал часто меня Гаврошем называть. Я сразу озабо-
тился образованием, мне нужно было знать не только язык, но
и письменность. К сожалению, при передаче языка такого уме-
ния мне не внедрили. Шон жадничать не стал и оплатил услуги
старика Уда. Правда, учиться пришлось вживую, с конспекта-
ми и тетрадками. Их нам заменяли доски, на которых я писал
углем. Не было у старика нужной гипнограммы, это и печалило.
Однако и письменность и счет за год я более-менее освоил. Да
и Шона подтянул, тот тоже не умел ни читать, ни писать. Про-
жил я в этом новом мире четыре года, мне как раз на днях восемь
лет исполнилось, Шон знал, когда я родился.

Прежде чем дальше описывать наше выживание в этом мире,
стоит немного описать разницу с читанной мной литературой
и что такое гипнограммы. Нет, нейросети и усиливающие им-
планты, да и базы знаний тут существовали. Действительно, без
нейросети управлять разным оборудованием сложно, однако
вполне реально, только в ручном режиме. Сейчас поясню, в чем
тут дело. В книгах, что я читал, дети до установки нейросетей
были предоставлены самим себе, и их не обучали. Мол, поставят
нейросети, там все и узнаю. Однако в этом Содружестве к этому
вопросу отнеслись серьезнее, вернее в том государстве, волей
судьбы на одну из планет которого я попал. Кстати, планета

называлась Алия, это был центр научной и передовой мысли государства, а оно само называлось королевство Бозат. В самом Содружестве насчитывалось пятьдесят четыре государства и разных образований, еще двенадцать государств в Содружество не входили и считались независимыми, оттого и сильно деградировавшими. Отсталыми, если быть проще.

Так вот, в королевстве уже лет пятьдесят шла программа обучения детей через гипнограммы. Это те же базы знаний, но заметно измененные. Их закачивают в голову через специальные обучающие капсулы. У старика Уда такой капсулы не было, вот он и смастерил замену, то самое кресло с колпаком. Такие капсулы можно купить и обучать ребенка дома. В основном так и делали. Или отправить его в специализированное обучающее заведение, близкий аналог – школа. Десять дней в капсуле, и часть обучающего материала в голове ученика. Дальше только закрепить знания в голове практикой, для этого можно поработать головой или руками. Ну, или виртуальная капсула-тренажер. Старик Уд говорил, что их звездная академия готовила будущих пилотов, навигаторов, исследователей и команды для кораблей. Набирали с десяти лет и до совершеннолетия, а это пятнадцать лет, обучали. Когда те становились совершеннолетними, распределяли по подразделениям, академия относилась к флоту. Старик Уд должен был стать навигатором, смежная профессия – корабельный техник. Год ему оставался до конца курсов, когда случилась Большая Беда.

На планете было множество исследователей, ученых, ну и разных спецов, что разрабатывали новинки. Думаю, король пожалел о том, что собрал всех яйцеголовых в одном месте. Никого ведь не выпустили. Все инновации и новинки в сфере обучения пропускали через эти академии, так что знания у старика Уда на тот момент были самые новейшие. Вот такие дела.

К чему я это все объясняю. Просто на глубине ста метров одного бункера, где я в данный момент сидел на булыжнике у края завала, стояло четыре капсулы, три обучающих и одна виртуально-тренировочная. Те самые. Да и знал я, где находился. Под комплексом зданий одной из звездных академий. Их шестнадцать на планете было. Эта какая-то странная. Едва нашел упоминания о ней, выходит, она семнадцатая, хотя всем известно, что на планете академий именно шестнадцать. Тут